

Иван Тургенев

Пунин и Бабурин

Иван Сергеевич Тургенев

Пунин и Бабурин

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174079

И.С.Тургенев Записки охотника: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-15905-3

Аннотация

«Старый лакей Филиппыч вошел, по обыкновению на цыпочках, с повязанным в виде розетки галстуком, с крепко стиснутыми – «чтобы не отдавало духом» – губами, с седеньким хохолком на самой середине лба; вошел, поклонился и подал на железном подносе моей бабушке большое письмо с гербовой печатью. Бабушка надела очки, прочла письмо...»

Содержание

Иван Сергеевич Тургенев	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Иван Сергеевич Тургенев

Пунин и Бабурин

Рассказ Петра Петровича Б.

Старый лакей Филиппыч вошел, по обыкновению на цыпочках, с повязанным в виде розетки галстуком, с крепко стиснутыми – «чтобы не отдавало духом» – губами, с седеньким хохолком на самой середине лба; вошел, поклонился и подал на железном подносе моей бабушке большое письмо с гербовой печатью. Бабушка надела очки, прочла письмо...

– Сам он тут? – спросила она.

– Чего изволите? – робко проговорил Филиппыч.

– Бестолковый! Тот, кто привез письмо, – тут?

– Тутот-ка, тутот-ка... В конторе сидит.

Бабушка погремела своими янтарными четками...¹

– Вели ему явиться... А ты, сударь, – обратилась она ко мне, – сиди смирно.

Я и так не шевелился в своем уголку, на присвоенном мне табурете.

Бабушка держала меня в ежовых рукавицах!

Минут пять спустя вошел в комнату человек лет тридцати пяти, черноволосый, смуглый, с широкоскулым рябым ли-

---

¹ Чётки – нанизанные на шнурок бусы, употреблявшиеся для отсчитывания прочитанных молитв.

цом, крючковатым носом и густыми бровями, из-под которых спокойно и печально выглядывали небольшие серые глаза. Цвет этих глаз и выражение их не соответствовали восточному складу остального лица. Одет был вошедший человек в степенный, долгополый сюртук. Он остановился у самой двери и поклонился – одной головой.

– Твоя фамилия Бабурин? – спросила бабушка и тут же прибавила про себя: «Il a l'air d'un arménien»².

– Точно так-с, – отвечал тот глухим и ровным голосом. При первом слове бабушки: «твоя» – брови его слегка дрогнули. Уж не ожидал ли он, что она будет его «выкать», говорить ему: вы?

– Ты русский? православный?

– Точно так-с.

Бабушка сняла очки и окинула Бабурина медлительным взглядом с головы до ног. Он не опустил глаз и только руки за спину заложил. Собственно, меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но таких синих щек и подбородка я отроду не видывал!

– Яков Петрович, – начала бабушка, – в письме своем очень тебя рекомендует, как человека «тверёзого» и трудолюбивого; однако отчего же ты от него отошел?

– Им, сударыня, в их хозяйстве другого качества люди нужны.

– Другого... качества? Этого я что-то не понимаю. – Ба-

---

² «Il a l'air d'un arménien» (фр.) – «Он похож на армянина».

бушка снова погромела четками. — Яков Петрович мне пишет, что за тобою две странности водятся. Какие странности?

Бабурин легонько пожал плечами:

— Не могу знать, что им угодно было назвать странностями. Разве вот, что я... телесного наказания не допускаю.

Бабушка удивилась:

— Неужто ж Яков Петрович тебя наказывать хотел?

Темное лицо Бабурина покраснело до самых волос.

— Не так вы изволили понять меня, сударыня. Я имею правилом не употреблять телесного наказания... над крестьянами.

Бабушка удивилась больше прежнего, даже руки приподняла.

— А! — промолвила она наконец и, нагнувши голову несколько набок, еще раз пристально осмотрела Бабурина. — Это твое правило? Ну, это мне совершенно все равно; я тебя не в приказчики прочу, а в конторщики, в писцы. Почерк у тебя каков?

— Пишу я хорошо-с, без ошибок орфографических.

— И это мне все равно. Мне — главное, чтобы четко было, да без этих прописных новых букв с хвостами, которых я не люблю. А какая твоя другая странность?

Бабурин помялся на месте, кашлянул...

— Быть может, господин помещик изволил намекать на то, что я не один.

– Ты женат?

– Никак нет-с... но...

Бабушка нахмурилась.

– Со мной живет одно лицо... мужеского пола... товарищ, убогий человек, с которым я не расстаюсь... вот уже, почитай, десятый год.

– Он твой родственник?

– Нет-с, не родственник – товарищ. Неудобств от него никаких по хозяйству произойти не может, – поспешил прибавить Бабурин, как бы предупреждая возражения. – Живет он на моих харчах, помещается в одной со мной комнате; скорей пользу он должен принести, так как грамоте он обучен, без лести сказать, в совершенстве и нравственность имеет примерную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожевывая губами и щурясь.

– Он на твоём иждивении живет?

– На моем-с.

– Ты его из милости содержишь?

– По справедливости... так как бедного человека обязанность есть – помогать другому бедному.

– Вот как! Впервые слышу. Я до сих пор полагала, что это скорей обязанность богатых людей.

– Для богатых, осмелюсь доложить, это занятие... а для нашего брата...

– Ну, довольно, довольно, хорошо, – перебила бабушка и,

подумав немного, промолвила в нос, что всегда было дурным знаком: – А каких он лет, твой нахлебник?

– Моих лет-с.

– Твоих? Я полагала, он твой воспитанник.

– Никак нет-с; он мой товарищ – и притом...

– Довольно, – вторично перебила бабушка. – Ты, значит, филантроп³. Яков Петрович прав: в твоём звании – это странность большая. А теперь поговорим-ка о деле. Я тебе растолкую, какие будут твои занятия. Да вот еще насчет жалованья... *Que faites vous ici?*⁴ – прибавила вдруг бабушка, обратив ко мне свое сухое и желтое лицо. – *Allez étudier votre devoir de mythologie*⁵.

Я вскочил, подошел к бабушкиной ручке и отправился – не изучать мифологию, а просто в сад.

Сад в бабушкином имении был очень стар и велик и заканчивался с одной стороны проточным прудом, в котором не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти везде исчезнувшие гольцы. В голове этого пруда засел густой лозняк; дальше вверх, по обоим бокам косогора, шли сплошные кусты орешника, бузины, жимолости, терна, проросшие снизу вересковой и зорей.

---

³ *Филантроп* – благотворитель, человек, помогающий бедным.

⁴ *Que faites vous ici? (фр.)* – Что вы здесь делаете?

⁵ *Allez étudier votre devoir de mythologie (фр.)*. – Идите займитесь вашим сочинением по мифологии.

Лишь кое-где между кустами выдавались крохотные полянки с изумрудно-зеленой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрея своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистые сыроежки и светлыми пятнами загорались золотые шарики «куриной слепоты». Тут по веснам певали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тут в летний зной стояла прохлада – и я любил забиваться в эту глушь и чащу, где у меня были фаворитные⁶, потаенные местечки, известные – так, по крайней мере, я воображал! – только мне одному. Вышедши из бабушкиного кабинета, я прямо отправился в одно из тех местечек, прозванное мною «Швейцарией». Но каково было мое изумление, когда, еще не добравшись до «Швейцарии», я сквозь частый переплет полузасохших прутьев и зеленых ветвей увидел, что кто-то открыл ее кроме меня! Какая-то длинная-длинная фигура, в желтом фризovém балахоне и высоком картузе, стояла на самом облюбленном мною местечке! Я подкрался поближе и разглядел лицо, совершенно мне незнакомое, тоже предлинное, мягкое, с небольшими красноватыми глазками и презабавным носом: вытянутый, как стручок, он точно повис над пухлыми губками; и эти губки, изредка вздрагивая и округляясь, издавали тонкий свист, между тем как длинные пальцы костлявых рук, поставленные дружка против дружки на вышине груди, проворно двигались круговращательным движением. Время от времени

---

⁶ *Фаворитные места* – любимые, излюбленные места.

движение рук замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась вперед, как бы прислушиваясь. Я пододвинулся еще поближе, вгляделся еще внимательнее... Незнакомец держал в каждой руке по небольшой плоской чашечке, вроде тех, которыми дразнят и заставляют петляющих канареек. Сук хрустнул у меня под ногою; незнакомец дрогнул, устремил свои слепые глазенки в чашу и попятился было... да наткнулся на дерево, охнул и остановился.

Я вышел на полянку. Незнакомец улыбнулся.

– Здравствуйте, – промолвил я.

– Здравствуйте, барчук!

Мне не понравилось, что он меня назвал барчуком. Что за фамильярность!

– Что вы здесь делаете? – спросил я строго.

– А вот видите, – отвечал он, не переставая улыбаться. – Птичек на пение вызываю. – Он показал мне свои чашечки. – Зяблики отлично отвечают! Вас, по младости ваших лет, пение пернатых должно улаживать беспременно! Извольте прислушаться: я стану щебетать – а они за мною сейчас – как приятно!

Он начал тереть свои чашечки. Точно, зяблик отозвался на ближней рябине. Незнакомец засмеялся беззвучно и подмигнул мне глазом.

Смех этот и это подмигивание – каждое движение незнакомца, его шепелявый, слабый голос, выгнутые колени, худощавые руки, самый его картуз, его длинный балахон – все

в нем дышало добродушием, чем-то невинным и забавным.

– Вы давно сюда приехали? – спросил я.

– А сегодня.

– Да вы не тот ли, о котором...

– Господин Бабурин с барыней говорил? Тот самый, тот самый.

– Вашего товарища Бабуриным зовут, а вас?

– А меня – Пуниным. Пунин моя фамилия; Пунин. Он Бабурин, а я Пунин. – Он опять зажужжал чашечками. – Слышите, слышите зяблика... Как заливается!

Мне этот чудак вдруг «ужасно» полюбился. Как почти все мальчишки, я с чужими либо робел, либо важничал, а с этим я словно век был знаком.

– Пойдемте со мною, – сказал я ему: – я знаю местечко еще лучше этого; там есть скамейка: мы сесть можем, и плотина оттуда видна.

– Извольте, пойдемте, – отвечал нараспев мой новый приятель. Я пропустил его вперед. На ходу он переваливался, шмыгал ногами и затылок назад закидывал.

Я заметил, что у него сзади на балахоне, под воротником, болталась небольшая кисточка.

– Что это у вас такое висит? – спросил я.

– Где? – переспросил он и пощупал воротник рукою. – А! Эта кисточка? Пущай ее! Значит, для красоты пришита. Не мешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.